

— Как будто раздвоение личности — такое обычное дело!

Невнятно сказав эти слова, Минг Шу открыл глаза.

Перед ним была не светлая, но тесная комната для допросов отдела тяжких преступлений, и он не сидел на крепком и жестком стуле. Мягкий, теплый свет лился из лампочек, усеивающих потолок, большая часть окна от пола до потолка была закрыта тяжелыми шторами, вокруг все было чисто и опрятно, вокруг было чрезвычайно тихо, но не холодно и безжизненно.

Это был дом Минг Шу и Сяо Юаня.

— Ты проснулся?

Как только Минг Шу сел на диване, Сяо Юань вышел из кабинета. Сяо Юань был одет в повседневный домашний наряд, который идеально подходил для осени и зимы, а также тонкий светло-серый свитер.

Минг Шу посмотрел на себя. Он был одет в том же стиле.

Сяо Юань только что достал эту одежду с кладовки. Совсем недавно они оба все еще были дома в летней одежде. Но теперь Сяо Юань распаковал всю их более теплую и толстую одежду.

Это было одно из «преимуществ» жизни с Сяо Юанем.

В прошлом, когда Минг Шу жил один, в его шкафу была всякая одежда на любой сезон. Но когда времена года начали меняться, он чуть не замерз до смерти, прежде чем отправиться на поиски более тяжелой одежды. Иногда он даже звонил Сяо Юаню, просто чтобы поплакать и спросить: "Ге, ты знаешь, куда я положил свою клетчатую пижаму?"

— Который сейчас час? — спросил Минг Шу. Он потянулся, все еще чувствуя себя немного сонным.

Только что он продолжал допрашивать Инь Сяофэна во сне — Инь Сяофэн сначала признался только в убийстве Цю Мина, но не Лу Чень и Чжао Сиянь, потом полиция нашла новые улики, Инь Сяофэну пришлось признать свою вину, но потом он сказал, что страдает раздвоением личности, и что тот, кто убил Лу Чень и Чжао Сиянь, был другой личностью, которая не имеет к нему никакого отношения.

— Ты спал совсем недолго, около часа, — сказал Сяо Юань, подходя ближе. Он прижал руку к макушке Минг Шу и слегка взъерошил его волосы.

Минг Шу удовлетворенно хмыкнул. Его тон был мягче, когда он сказал:

— Всего час? Я думал, уже почти рассвело.

Когда они совсем недавно вернулись из Бюро, Минг Шу быстро принял душ, прежде чем рухнуть на диван. Он даже не удосужился перебраться в спальню. До возвращения домой он допрашивал Инь Сяофэна и проводил совещание по разбору дела, а после возвращения на самом деле все еще расследовал дело во сне, поэтому спал беспокойно и проснулся все еще уставшим. Но, по крайней мере, он немного поспал, и его настроение было гораздо лучше, чем в тот момент, когда он принимал душ.

— Голодный? — спросил Сяо Юань.

Минг Шу потер живот и подумал. Раньше он успел только перекусить пирогом, поэтому он поднял голову и несколько раз постучал подбородком по животу Сяо Юаня.

— Значит, ты не спал почти всю ночь, ждал, пока я проснусь, и приготовил мне полуночный перекус?

Сяо Юань слегка ударил Минг Шу по лбу:

— Мечтай дальше.

Минг Шу посмотрел в сторону кухни и даже преувеличенно принюхался, но не почувствовал никакого аромата.

Обычно, если Сяо Юань хотел приготовить ему полуночную закуску, на кухне уже должно было что-то вариться и тушиться.

— Неужели есть совсем нечего? — Минг Шу выпрямился и обнял Сяо Юаня за талию. — Я зря проснулся? Мой ге больше не любит меня?

Сяо Юань рассмеялся. Голос у него был низкий и немного хриплый:

— Ты устал, но ты думаешь, что я не устал? Скажи мне, что ты хочешь съесть, я закажу еду на вынос.

Минг Шу внезапно почувствовал, что его сердце начало болеть.

Если бы Сяо Юань не был действительно слишком уставшим, чтобы передвигаться, он определенно приготовил бы Минг Шу что-нибудь поесть. Даже если это было что-то простое, например миска лапши или пельменей.

— Ге... — Минг Шу замолчал. Он уткнулся лицом в живот Сяо Юаня не желая больше ничего говорить, просто хотел остаться так на некоторое время.

Сяо Юань позволил Минг Шу обнять себя. Он слегка сжал затылок Минг Шу одной рукой, а другой достал телефон, чтобы начать делать заказ:

— Ты хочешь легкую или аппетитную еду?

— И то, и другое. — Голос Минг Шу был приглушен одеждой Сяо Юаня и звучал немного невнятно. — Закажи побольше, я сейчас умираю от голода.

Давление хватки на затылке Минг Шу стало немного сильнее. Это было настолько расслабляюще, что Минг Шу не хотелось шевелиться.

Сделав заказ на вынос, Сяо Юань тоже сел на диван. Минг Шу положил голову на колени Сяо Юаня и снова заснул.

На этот раз Минг Шу хорошо спал. Больше он не трудился в поисках улик во сне и крепко уснул, но, к сожалению, спал недолго, позвонил курьер.

— Я схожу за ним, — сказал Сяо Юань.

Самая удовлетворяющая «подушка» ускользнула, Минг Шу тоже пришлось встать.

Входная дверь открылась и закрылась. Сяо Юань вернулся с двумя пакетами.

Минг Шу подсознательно поджал губы.

— Так много?

— Сходи за посудой и соком, — приказал Сяо Юань, начиная распаковывать заказ.

— Хорошо! — Минг Шу немедленно помчался на кухню, где взял посуду, палочки для еды и бутылку свежавыжатого сока с приближающимся сроком годности.

На самом деле в холодильнике было немного вина, и оно, конечно же, было идеальным напитком для полуночной закуски. Сок казался слишком ребяческим. Но Минг Шу и Сяо Юань имели одну и ту же привычку — они никогда, никогда не пили во время расследования дела.

Все коробки с едой уже были открыты. Там был легкий суп из грибов и ребрышек, кокосовые лепешки, жареная свинина, свиные хвосты, лягушачьи лапки и даже коробка крабов на пару.

— Четыре, по два на человека? — спросил Минг Шу, протягивая руку, чтобы взять одного краба.

— Или ты можешь съесть все четыре, если хочешь, — сказал Сяо Юань.

Минг Шу был прямо-таки счастлив и съел три штуки, очистив одного для Сяо Юаня.

Не то чтобы он набрасывался на еду, просто Сяо Юань не любил волосатых крабов, и эти четыре были заказаны именно для него.

Наевшись и напившись вдоволь, Минг Шу убрал мусор и выбросил его. Его разум немного прояснился, и он снова начал думать о деле.

— Что ты бормотал раньше? — спросил Сяо Юань. — Что-то насчет раздвоения личности?

Минг Шу рассказал Сяо Юаню, что ему приснилось. Затем он спросил:

— Ге, Инь Сяофэн отказывается признаться в том, что выкопал тело Цю Миня и расчленил его. Конечно, он также не признается в убийстве Лу Чень и Чжао Сянь. Ты же видел протоколы допросов, похоже, что он лжет?

— Это причина, по которой ты думаешь, что у Инь Сяофэна может быть другая личность? — спросил Сяо Юань.

— Не то чтобы я так думал, — сказал Минг Шу, постукивая себя по вискам. — Мне это приснилось.

— Сны часто являются проекциями подсознания, — сказал Сяо Юань. — Прежде чем заснуть, ты, возможно, думал об этой возможности.

— Я... — Минг Шу не может опровергнуть, на самом деле не только перед тем, как заснуть, в то время, когда он все еще был в комнате для допросов, он думал о возможности раздвоения личности, но быстро отказался от этой идеи.

— Тогда что ты думаешь? — спросил Минг Шу, постепенно становясь серьезным. — Цю Минь умер давным-давно, но затем кто-то воспользовался его мобильным телефоном, чтобы заказать еду на вынос в Шоуцзюане 14 октября. Человек, доставивший еду на вынос, сказал, что человек, который забрал заказ, был мужчиной в бейсболке. Предполагается, что этим человеком был Инь Сяофэн, но Инь Сяофэн сказал, что это не он. Камеры наблюдения возле горы Циюэ немногочисленны. На данный момент мы не можем подтвердить местонахождение Инь Сяофэна 14-го числа. Если предположить, что Инь Сяофэн не лгал, то кем может быть этот человек? Неужели это тот самый убийца, который разделил тело Цю Мина и убил Лу Чень и Чжао Сянь?

— На самом деле, твоя предыдущая мысль не была полностью нелогичной, — сказал Сяо Юань.
— Вообще-то, твоя идея небезосновательна. Просто случаев раздвоения личности слишком мало, и если убийцей окажется кто-то другой, то свалить дело Лу Чень и Чжао Сиянь на другую личность Инь Сяофэна будет проблематично.

— Во время допроса я был лицом к лицу с Инь Сяофэном. По его микровыражениям у меня возникло ощущение, что он не лгал. И ты, и учитель Син оба думаете, что один человек убил Цю Миня, а другой расчленил его. Но я просто не могу себе представить, каковы могут быть мотивы этого другого человека, — сказал Минг Шу, прижав ноги к груди. — Будь то расчленение трупа Цю Миня или убийство Лу Чень и Чжао Сиянь — мотивы этого человека совершенно неясны. Плюс, есть вопрос о десяти гвоздях. Инь Сяофэн мог легко достать эти гвозди из храма, но он сказал, что не сделал этого. Те, кто мог достать железные гвозди так же легко, как и Инь Сяофэн, были другими четырьмя людьми из храма Хайцзин.

При упоминании других монахов Минг Шу почувствовал, как у него заболела голова.

— Другие храмы принимают хороших, добрых людей. Храм Хайцзин принимал самых разных людей с самыми разными проблемами.

— У тебя тоже возникла проблема с Чу Синем? — спросил Сяо Юань.

— Не совсем, — сказал Минг Шу. — Чу Синь, кажется, самый уникальный случай. Все, что мы знаем на данный момент, это то, что однажды он перенес операцию на сердце за границей. Прежде чем стать монахом, у него был спор с четырьмя законными сыновьями Чу Линьсюна. Он был в особенно плохих отношениях с Чу Цином, который сейчас является самым популярным преемником. Но тогда Чу Цин был не в таком благоприятном положении, как Чу Синь, Чу Линьсюн явно отдавал предпочтение Чу Синю. Эти детали пока не имеют какой-либо очевидной связи с нашим нынешним делом, но у меня сохраняется ощущение, что Чу Синь что-то скрывает. Он отказался от многообещающего будущего, чтобы стать монахом. Я не верю, что это было всего лишь потому что он «увидел свет».

Пока он говорил, Минг Шу почесал волосы.

— Но я полагаю, что это, вероятно, как-то связано с внутренней враждой семьи Чу.

— Но, судя по их способности получить доступ к этим гвоздям, Фан Пинсюй, Чу Синь, Лю Суй и Тан Юань являются потенциальными подозреваемыми, — сказал Сяо Юань, положив руку на плечо Минг Шу. — Лю Суй уже признался в убийстве кого-то двадцать семь лет назад, и его жертвой стала женщина. Мог ли он возненавидеть всех женщин, потому что общество отказалось принять его и Тан Юаня? По сравнению с Лю Суем, Тан Юань является гораздо менее вероятным подозреваемым. Что касается Фан Пинсюя, то у него с ранних лет извращенный характер, он чуть не убил родную дочь своих приемных родителей, когда ему было всего несколько лет, и любой проступок, который он совершит сейчас, будет соответствовать его чертам характера. Что же касается Чу Синя, то этот человек действительно подобен туманной пелене.

Минг Шу закрыл глаза и некоторое время ничего не говорил.

— Но если ты сосредоточишься только на этих четырех людях, твои мысли будут ограничены, — продолжил Сяо Юань. — Не забывай, что гвозди были найдены в изолированной комнате внутреннего храма. Тот, кто мог легче всего получить их, — это пропавший в настоящее время Мастер Куй Чен.

Минг Шу внезапно напрягся.

— Более того, монахи, которые посещают храм Хайцзин, чтобы возложить благовония, и монахи, которые жили там, но уже уехали, также представляют интерес, — сказал Сяо Юань. — В эти дни мы сосредоточили свое внимание на пяти людях, которые в настоящее время живут в храме Хайцзин. Теперь, когда Инь Сяофэн признался в преступлении, мы должны расширить сферу нашего расследования. Не перебирай «возможное» и «невозможное», любое событие, которое произойдет, уже «обязательно будет», понимаешь?

Минг Шу кивнул:

— Понял.

Сказав все это, Сяо Юань снова схватил Минг Шу за затылок. Минг Шу не был к этому готов, и его быстро утащили в постель.

Сяо Юань выключил лампу на тумбочке и сказал:

— Иди спать, больше не думай об этом. После рассвета ты снова будешь занят.

Минг Шу хотел сказать, что ему больше не хочется спать и что он все еще может продолжать «мозговой штурм». Но затем его заключили в знакомые объятия.

Он хмыкнул, полностью расслабляясь.

Сяо Юань нежно поцеловал его в ухо и прошептал:

— Спи.

На следующий день, даже после нескольких часов сна, Минг Шу прибыл в отдел по расследованию тяжких преступлений в приподнятом настроении.

Прошла ночь, но Инь Сяофэн все еще отказывался изменить свое признание:

— Я не убивал этих двоих... Я ничего не знаю о железных гвоздях... Я не расчленил тело Цю Миня... Его мобильный телефон? Я давно выбросил его вместе с одеждой... Я не пользовался мобильным телефоном Цю Миня, чтобы заказать еду на вынос...

Минг Шу вспомнил слова, которые Сяо Юань сказал ему перед тем, как они заснули: любое событие, которое произойдет, уже «неизбежно».

Не было никакого смысла спорить о том, имело ли то, что произошло, логический смысл, потому что это было нечто, что уже произошло, логично или нет. Что нужно было сделать выдающемуся детективу, так это найти рациональную истину под этой иррациональной поверхностью.

— Отведите Инь Сяофэна на психологическое обследование, — приказал Минг Шу. — Проверьте также монахов, которые раньше жили в храме Хайцзин. Их записи должны были быть зарегистрированы в местной полиции. Выследите их и проверьте их личности. Что касается тех, кто приходил предложить благовония... это будет задача посложнее. Мы можем только спросить Чу Синя и других монахов об их посетителях.

В это время Фан Юаньхан принес эскиз портрета мастера Куй Чена составленный на основе описаний монахов храма.

— Не вижу в нем ничего уникального, — сказал Фан Юаньхан. — Но этот портрет должен быть довольно точным и более надежным, чем некоторые другие, поскольку он основан на описаниях пяти человек. В отличие от портрета, который мы сделали с описанием Лонг Тяньхао.

Портрет был отправлен на мобильный телефон каждого члена команды. Минг Шу некоторое время смотрел на него:

— Почему у меня такое чувство, будто я где-то уже видел этого человека?

— Тогда подумай хорошенько? — предложил И Фэй.

— У вас вообще нет никакого впечатления об этом человеке? — спросил Минг Шу.

И Фэй покачал головой.

— Я не с тобой в любое время дня и ночи. Я не вижу каждого человека, которого ты видишь, понимаешь?

— Нет, дело не в этом, — сказал Минг Шу. — Не то, чтобы я его «видел». Мне просто кажется, что это лицо мне знакомо. Как будто я видел его по телевизору давным-давно.

— По телевизору? — И Фэй еще раз изучил эскиз. — Актер? Ведущий новостей? Случайный гражданин, у которого взяли интервью? Или, может быть, даже разыскиваемый преступник?

Минг Шу нахмурился и долго думал.

— Нет, я не могу вспомнить. Давайте продолжим расследование в том порядке, который я изложил ранее. Теперь у нас есть эскиз, поэтому свяжитесь со средствами массовой информации. Этот человек исчез необъяснимым образом, мы должны найти его в любом случае.

Когда правда о том, что Лю Суй убил Чжоу Тинтин двадцать семь лет назад, стала известна, вся полицейская система Шоуцзяня оказалась в затруднительном положении.

Человеком, давшим взятку, был покойный отец Лю Суя, а основным бенефициаром взятки был Цянь Да, который уже ушел из полиции. Но никому из офицеров, участвовавших в расследовании дела Чжоу Тинтин, не сойдет с рук их халатность. Следы Лю Суя, должно быть, остались возле акведука, где умерла Чжоу Тинтин, но официальные отчеты показали, что присутствовали только следы Чжоу Тинтин — именно поэтому ее смерть была сочтена случайным падением.

Такое пренебрежение станет позором для всех офицеров Шоуцзяня.

Старые дела тоже пришлось расследовать, но обстоятельства дела на горе Циюэ все еще были окутаны тайной. Убийца одного убийства был пойман, а два других дела остались открытыми. На данный момент у городской полиции не было другого выбора, кроме как приостановить расследование Шоуцзяне.

Когда Минг Шу снова посетил Шоуцзянь, атмосфера заметно изменилась. Все высокомерные и отказывающиеся сотрудничать полицейские, с которыми он раньше работал, были переведены. На смену им пришли новые офицеры, очень прилежные.

Помимо мастера Куй Чена и пяти монахов, которые в настоящее время жили в храме Хайцзин, у полиции также были записи о монахах по имени Чан Циньин, Чу Цзян, Ху Чэнъи и Ван Лу. Все эти четыре человека уехали за последние три года, отправившись «странствовать».

Для монахов «странствовать» означало путешествовать по миру, считая везде и всюду своим домом. Найти «странствующего» монаха было непросто.

Но у полиции уже было подтверждение истинных личностей этих четырех монахов. Проверив их расходы и записи дорожного движения, отследить их не должно было быть слишком сложно.

Однако тут-то и возникла проблема.

После расследования полиция узнала, что только самый старший из этих четырех монахов — Ху Чэньи — все еще жил в деревне Ханьшу, находящейся под юрисдикцией города Донгье. Остальных троих нигде не было.

— Как они могли пропасть? — спросил измученный Фан Юаньхан. — Куй Чен сказал, что он был в изоляции, но его не было в храме Хайцзин целую вечность. И эти трое пошли «бродить». Они бродили, бродили и полностью исчезли из мира? Если мы не сможем найти одного из них, это еще нормально, но когда исчезли сразу три человека — это не может быть нормально!

Чан Циньин, сорока семи лет, был уроженцем Лочэна. Прежде чем стать монахом пять лет назад, он был служащим. Он покинул храм Хайцзин в декабре прошлого года.

Чу Цзян, пятьдесят пять лет, уроженец города Фэнсян, находящегося под юрисдикцией города Донгье. Шесть лет назад он работал на молочной ферме, прежде чем стать монахом. Прошлым летом он покинул храм Хайцзин.

Ван Лу, тридцать шесть лет, уроженец Шоуцюаня. До того, как стать монахом, он был безработным. Как и Чу Цзян, он стал монахом шесть лет назад и покинул храм Хайцзин ранее в том же году, весной.

Луочэн и Фэнсян были относительно близки к Шоуцюаню. Не было ничего странного в том, что люди оттуда решили стать монахами в храме Хайцзин.

Минг Шу некоторое время изучал записи об этих трех людях. Мгновение спустя он спросил Фан Юаньхана:

— Ты знаешь монахов лучше меня, когда они спускаются с горы, они путешествуют без денег, как по телевизору, и подрабатывают по пути?

— Нет, — сказал Фан Юаньхан, покачав головой. — Начальник, не думайте, что настоящие монахи настолько примитивны. У них есть удостоверения личности и кредитные карты. Даже если у них нет кредитных карт, у них, по крайней мере, есть банковский счет. Они также летают на самолетах и ездят на скоростных поездах, а те, кто помоложе, расплачиваются мобильными телефонами, не то что те, которые стучат в дверь и просят еду по телевизору.

— В таком случае, — сказал Минг Шу, — должен быть хотя бы документальный след их перемещений за последние полтора года.

— Верно! — Сказал Фан Юаньхан. — Чу Цзян был тем, кто покинул гору раньше всех. Он «бродил» больше года, но мы не можем найти ничего, что имело бы отношение к нему или его передвижениям. Это невозможно, если только он не умер.

Минг Шу поднял брови и посмотрел на Фан Юаньхана.

Фан Юаньхан замер:

— Я сказал что-то не то?

Минг Шу покачал головой:

— Если рассуждать с точки зрения возможности исчезновения, то вероятность того, что Чу Цзян уже мертв, действительно велика. Более того, он вполне мог умереть сразу после выхода из храма Хайцзин.

Фан Юаньхан почувствовал, как вся его спина похолодела:

— Но почему? Сначала это был Чу Цзян, а теперь Куй Чен?

— Я не знаю, — сказал Минг Шу. — Но не забывай, что сказал Тан Юань. В храме Хайцзин нет хороших людей. Вполне возможно, что все они ушли из-за какой-то цели.

Фан Юаньхан задумался:

— Понятно, похоже, мы можем только изучить их прошлое, чтобы понять, по какой причине они пришли в храм Хайцзин, чтобы стать монахами, возможно, у них есть что-то общее с такими людьми как Фан Пинсюй или Чу Синь.

— Правильно понимаешь. — Минг Шу улыбнулся. Его взгляд снова пробежался по фотографиям монахов и задержался на лице Ху Чэнъи.

Из всех монахов, зарегистрированных в храме Хайцзин, Ху Чэнъи был единственным, чьи передвижения можно было четко отслеживать. Он также покинул храм Хайцзин намного раньше, чем остальные трое. Три года назад он вернулся жить в деревню.

Было много монахов, которые практиковали буддизм несколько лет, и все бросали, вернувшись к мирской жизни, но большинство из них были молодыми и сильными, и очень мало стариков, которые провели большую часть своей жизни вне дома и внезапно вернулись домой.

По словам других монахов храма Хайцзин, Ху Чэнъи покинул храм не для того, чтобы перестать быть монахом. Он сказал им, что собирается «странствовать», как и другие монахи.

Так почему же он отправился прямо домой, в деревню, даже не попробовав совершить путешествие?

— Ху Чэнъи, возможно, что-то знает, — сказал Минг Шу. — Я пойду в деревню Ханьшу.

Фан Юаньхан хотел пойти с ним, но ему было приказано остаться и продолжить допрос Фан Пинсюя и других монахов.

Чу Цзян взял имя «Ву Фэй» во время своего пребывания в храме Хайцзин, поэтому Чу Синь и другие также называли его «Ву Фэй».

— Ву Фэй не попрощался со мной. Мы не были так уж близки, так почему же он должен был попрощаться со мной? — Чу Синь засмеялся. — Это то, что я вам уже говорил, ребята. Просто мы оказались в одном храме. На самом деле мы не так уж хорошо знакомы друг с другом.

— Тогда как ты можешь быть уверен, что Ву Фэй отправился «странствовать»? — спросил Фан Юаньхан.

— А что еще он мог делать? — спросил Чу Синь. — Думаешь, он пошел по борделях?

— Ты можешь вести себя прилично хотя бы одну минуту? — огрызнулся Фан Юаньхан, почти потеряв самообладание. — Ву Фэй не говорил тебе, что уходит из храма, чтобы «побродить»? И ты лично не видел, как он уходил?

Чу Синь нарочито выпрямил спину:

— Нет, может, я спал, когда он уходил?

— Тогда, когда я спросил тебя в первый раз, ты с уверенностью сказал мне, что Ву Фэй отправился странствовать, а это значит, что у тебя в голове уже было такое представление!

Чу Синь улыбнулся и указал на свою голову:

— Маленький натурал снова пытается меня анализировать.

Фан Юаньхан уже стал невосприимчивым к этим провокациям. Он спокойно продолжил:

— Кто сказал тебе, что Ву Фэй ушел странствовать?

— Вы подозреваете этого человека? — Чу Синь, казалось, задумался, но никто не мог быть уверен, серьезно ли он думал об этом. Через несколько секунд он сказал: — Кажется, я слышал это от Ву Ши.

Фан Юаньхан спросил:

— А как насчет Чан Циньин и Ван Лу? То есть для тебя Ву Хун и Ву Хуань? Что ты делал, когда

они покинули храм Хайцзин?

— Я не знаю, — сказал Чу Синь с безразличным видом. — Я слышал от остальных, что они покинули гору, чтобы «побродить».

Фан Юаньхан также задал Лю Сую, Тан Юаню, Фану Пинсюю и Инь Сяофэну те же вопросы, и он узнал шокирующий факт: никто из них лично не видел, как Чу Цзян, Чан Цинъюн и Ван Лу покидали храм Хайцзин. Никто из них лично от ушедших монахов также не слышал, что они уходят «странствовать». Все они слышали эту информацию из вторых рук.

И источником информации, похоже, был мастер Куй Чен.

Чем больше Фан Юаньхан думал об этом, тем более неправильным все это казалось.

Храм Хайцзин был небольшим. Был один вход спереди и один сзади. Все монахи проходили через главные ворота, когда входили в храм и выходили из него. В таком храме, даже если монахи не были особенно близки, они должны были хотя бы перекидываться парой слов каждый день.

Когда Чу Цзян и другие монахи покинули храм, они, должно быть, сделали некоторые приготовления. Было бы обычной вежливостью воздать должное не только своему наставнику, но и братьям. И они, должно быть, вышли через главные ворота. Как Чу Синь и остальные могли их вообще не видеть?

Может быть, они намеренно избегали остальных и уходили ночью?

Но зачем им это делать?

Не то чтобы они делали что-то постыдное. По какой причине им пришлось уйти ночью или через меньшие ворота сзади?

Только Куй Чен мог знать ответ на эти вопросы, а теперь и Куй Чен пропал.

Фан Юаньхан вскочил со стула и тут же позвонил Минг Шу.

***

Город Донгье, деревня Ханьшу.

Каждая деревня была уникальной. В процессе расследования дел Минг Шу ранее посетил бесчисленное множество деревень. Деревня Ханьшу была одной из самых упорядоченных и

хорошо построенных деревень, которые видел Минг Шу. У каждой семьи был свой домик без печных труб. В Ханьшу отсутствовал запах дыма и смога, пропитавший многие небольшие деревни. В доме каждой семьи был природный газ и полный набор бытовой техники.

Семь или восемь лет назад деревня Ханьшу совсем не была такой. Тогда они пережили разрушительное наводнение и оползень, уничтоживший всю деревню. После этого правительство разработало новый план деревни, превратив ее в небольшой туристический центр.

Девяносто процентов семей в деревне Ханьшу владели фермерскими домами, в которых размещались туристы. Ху Чэнъи был исключением. Он жил в доме, выделенном ему деревней, где выращивал овощи у себя во дворе. Жизнь, которую он вел, была почти полной изоляцией.

Когда Минг Шу объяснил причину своего визита, Ху Чэнъи медленно выдохнул.

— Почему вы тогда вернулись в светский мир? — спросил Минг Шу. — Я слышал от монахов храма Хайцзин, что перед тем, как уйти, вы сказали, что собираетесь странствовать?

— Это то, что я им сказал, — сказал Ху Чэнъи. — Потому что я не мог найти более подходящего оправдания.

— Тогда какова была настоящая причина вашего ухода из храма Хайцзин? — спросил Минг Шу.

После долгой паузы Ху Чэнъи посмотрел на облака в небе и сказал:

— Я почувствовал, что наставник стал другим человеком.

<http://bllate.org/book/14859/1321968>